

Сохранение послевоенного культурного наследия в Косово: переосмысление реализации плана Ахтисаари, приложение V

Научный руководитель – Шахалилов Шамансур Шахалилович

Стрига Мария Семеновна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет глобальных процессов, Направление геополитики и дипломатии, Москва, Россия

E-mail: traviatta-2312@yandex.ru

Данная работа сосредоточена на роли городского наследия в устойчивом развитии послевоенных городов и подчеркивает важность партисипативных и инклюзивных подходов, которые вовлекают граждан и ключевые заинтересованные стороны в сохранение и возрождение районов наследия. Однако эта задача довольно сложна и трудна, особенно в районах, населенных многочисленными этническими группами. Навыки ведения переговоров и укрепления доверия так же важны, как и навыки восстановления и сохранения физической ткани. Однако в современных исследованиях отсутствует глубокое понимание того, как работают переговоры в этих контекстах и чему мы можем научиться из прошлого. Цель настоящего документа состоит в том, чтобы изучить этот вопрос с помощью анализа конкретных примеров, в частности, Косово. В настоящем документе рассматривается, как развивался процесс в период осуществления Приложения V Всеобъемлющего предложения по урегулированию статуса Косово, связанного с сохранением культурного наследия. В работе анализируется социокультурная и политическая динамика на местах, сосредотачиваясь на статье 4, которая касается защитных зон. При критическом рассмотрении подходов заинтересованных сторон, включая публичный дискурс и пример исторического центра Призрена, предлагается переосмыслить реализацию Приложения V как устойчивого варианта, а не рассматривать другие (помимо Приложения V) альтернативы, которые потенциально могут подрывать усилия по межобщинному восстановлению и вместо создания основы для устойчивого сохранения культурного наследия и примирения в конечном итоге будут способствовать эскалации и углублению конфликта.

Большая часть литературы о городском наследии и его роли в послевоенном восстановлении и устойчивости подчеркивает огромный потенциал наследия в обеспечении устойчивого экономического и социального будущего. Важность использования местных знаний и навыков в традиционном строительстве [1], позволяющих местным общинам согласовывать между собой свои приоритеты восстановления [2], а также обеспечивать подготовку по вопросам сохранения и технического обслуживания традиционных зданий [3], была подчеркнута в качестве ключевых элементов будущей устойчивости физической и социальной структуры послевоенных городов. Однако в современной литературе отсутствует больше знаний о роли городского наследия как средства переговоров и примирения [4]. Здесь стоит отметить, что мы используем термин «городское наследие», чтобы охватить материальные и нематериальные формы наследия в городской среде. Действительно, наследие определяется уже не на основе его материальных аспектов, а на основе его нематериальных смыслов и ценностей. В то время как партисипативные и комплексные подходы к сохранению и реконструкции послевоенного наследия были выделены в качестве пути вперед для устойчивого восстановления и устойчивости [5-6], очень немногие исследования признали реальные проблемы в реализации такого подхода, который является фундаментально политическим [7] и часто разделяющим. Цель данной работы состоит в том,

чтобы представить аргумент о том, что ученые и практики, работающие над ролью наследия как средства примирения и миростроительства в послевоенных контекстах, должны сотрудничать с экспертами по переговорам, направленные на обеспечение беспроектной ситуации для вовлеченных сторон [8]. Комплексный подход к переговорам направлен на то, чтобы привести к примирению между конфликтующими сторонами, и поэтому представляет собой «многогранный и межпоколенческий процесс, который международное сообщество может поддерживать, признав прошлые ошибки и обеспечив постконфликтное правосудие «посредством, например, реституции собственности или компенсации» [9]. Понятие справедливости здесь имеет решающее значение. Поэтому крайне важно оценить чувство несправедливости со всех сторон и степень вклада наследия в обеспечение справедливости в послевоенном контексте. Однако это сложная задача, особенно когда в ней участвуют международные органы. Суботич демонстрирует, как внутреннее понимание норм международного правосудия порождает новые смыслы и практики [10]. Она исследует этот вопрос в контексте Западных Балкан, где утверждает, что «международные нормы правосудия переходного периода и его конститутивные элементы — стремление к истине, справедливости и примирению — глубоко разошлись на местах» на Западных Балканах за последние 20 лет [10]. Она показывает, как истина, справедливость и примирение означают совершенно разные вещи для «жертв», «преступников», «государств» не только на Западных Балканах, но и в Кении, Камбодже, Колумбии и других странах (там же). Суботич, таким образом, призывает к глубокой нормативной трансформации, которая позволит построить «верховенство закона и демократические институты, которые могли бы служить оплотом против повторения насильственных преступлений» [10].

Может ли наследие сыграть свою роль в процессе демократизации и миростроительства? Это действительно сложная задача. В военное время наследие часто становилось мишенью из-за его символических коннотаций как физически, так и виртуально через использование социальных сетей. В настоящее время в послевоенных условиях наследие используется как средство примирения. Противоречивый характер наследия — это аспект, который должны учитывать все специалисты по наследию, особенно при планировании стратегий в чувствительных контекстах. Мескелл, например, обсуждал этот противоречивый парадокс, критикуя, как цель ЮНЕСКО по предотвращению войны довольно странно сочетается с проектами, посвященными памятникам, связанным с насилием [11]. Наследие, безусловно, не является нейтральным, и поэтому любая попытка использовать наследие в ходе процессов примирения в послевоенных условиях является сложной задачей.

Из-за хрупкости и высоко-символического характера наследия комплексный подход к переговорам и примирению требует глубокого понимания ценностей и, что более важно, потребностей вовлеченных сторон [4]. Этот подход также требует длительных временных промежутков для того, чтобы построить доверие и взаимный диалог. В то время как послевоенные процессы обычно ориентированы на физическую реконструкцию, важно переключить внимание на «социальную» реконструкцию, которая предполагает всесторонний, а не монолитный подход к делу. Важно также рассмотреть вопрос о том, как «восприятие будущего» может влиять на практику наследия [12], особенно на практику наследия, связанную с примирением этнических групп, переживших конфликт. Таким образом, понимая ценности и потребности вовлеченных сообществ в настоящем, важно также разработать методы достижения, насколько это возможно, понимания будущих ценностей и потребностей. В этой статье мы утверждаем, что раскрытие многочисленных слоев истории и связанных с ними останков в определенной области может стать одним из шагов вперед к примирению. Однако мы также признаем, что этот процесс сложен, чувствителен и, возможно, не всегда осуществим. Это также может привести к сокрытию или стиранию части этой истории как части процесса. Однако, как утверждал Фибигер, стирание

наследия — это форма трансформации наследия, поскольку стирание объекта — это «не обязательно стирание его значения как наследия в настоящем и будущем» [13]. В каком-то смысле стирание наследия позволяет трансформировать наследие нынешнего общества, современных дел и идей для будущих изменений.

Это исследование призвано раскрыть свой главный вопрос через анализ случая Косово.

Источники и литература

- 1) Kazimee, B.A.; Najimi, A.W. Urban heritage of Kabul and post-war recovery efforts. *Int. J. Herit. Archit.* 2016, 1, 60–67.
- 2) Makhzoumi, J. Localising the Global: Landscape Architecture and Post-War Recovery in South Lebanon. *Landsc. Rev.* 2009, 13 (1): 3-17.
- 3) Ammar, S.M.; Alramlawi, N.Y. Post-war Restoration of Traditional Houses in Gaza. In *Urban Heritage along the Silk Roads*; Springer: Cham, Switzerland, 2020; pp. 137–154.
- 4) Fouseki, K. *Dispute Management in Heritage Conservation: The Case of in Situ Museums*; British Archaeological Reports; British Archaeological: Oxford, U.K., 2015.
- 5) Handan, M.M. Towards Post-War Sustainable Rehabilitation: Historic Town Jajce. In *Proceedings of the 7th International Conference on Sustainable Development & Urban Construction*, Isfahan, Iran, 14 December 2017.
- 6) Apaydin, V. Economic rights, heritage sites and communities: Sustainability and protection. *Complutum* 2016, 27, 369–384.
- 7) Maffi, I. *The Politics and Practices of Cultural Heritage in the Middle East: Positioning the Material Past in Contemporary Societies*; Bloomsbury Publishing: London, U.K. 2014.
- 8) Lewicki, R.J.; Saunders, D.M.; Minton, J.W. *Essentials of Negotiation*; IRWIN: Chicago, IL, USA, 1997; Volume 97.
- 9) Von Carlowitz, L. Resolution of property disputes in Bosnia and Kosovo: The contribution to peacebuilding. *Int. Peacekeeping* 2005, 12, 547–561.
- 10) Subotic, J. Truth, justice, and reconciliation on the ground: Normative divergence in the Western Balkans. *J. Int. Relat. Dev.* 2015, 18, 361–382.
- 11) Meskell, L. *A Future in Ruins: UNESCO, World Heritage, and the Dream of Peace*; Oxford University Press: Oxford, UK, 2018.
- 12) Högberg, A.; Holtorf, C.; May, S.; Wollentz, G. No future in archaeological heritage management? *World Archaeol.* 2017, 49, 639–647.
- 13) Fibiger, T. Heritage erasure and heritage transformation: How heritage is created by destruction in Bahrain. *Int. J. Herit. Stud.* 2015, 21, 390–404.